

Сергей Макке

Стихи

Сергей Макке (литературный псевдоним Сергея Балабонова, выбран в память родовой фамилии) — физик-теоретик по образованию, кандидат физико-математических наук. Работал в Институте Ядерной Физики АН СССР, руководитель IT компании, создавшей одну из первых серий мультимедийных программ и дисков для выставок Государственного Эрмитажа и продолжающей постоянно работать с музеями и театрами Санкт-Петербурга.

Нуреев и Серебренников

*Рецензия на балет
Кирилла Серебренникова «Нуреев»
(Большой Театр)*

Часть 1. Нуреев

Я танцевал на сцене, словно жил,
Существовал с надеждою на танец.
Ручьями пот и напряжение жил...
А внешне — только лоск, гламурный глянец.

Я танцевал, и каждый мой прыжок
Пересекал пространство недомолвок.
Я танцевал, когда жестокий рок
Серпом грозил, и молот поднял Молох.

Преодолев пространственный барьер,
Прыжком нарушив равновесие страха,
Оставил без себя СССР,
Страхнул с балеток, как частички праха.

По триста раз на сцену выходил
И мерил год классическим балетом,
Сто тысяч па театру раздарил,
Как рифмы дарятся читателю поэтом.

Пренебрегал условностью зевак,
Свою мораль поставил выше правил,
Любил мужчин, не слушал всяких врак —
И, уходя, лишь танец Вам оставил.

Часть 2. Серебренников

Всегда входил в театр, как будто в дом,
Что стены распахнул свои наружу.
Рассказывал, зачем мы так живем,
Переживаем зной, дожди и стужу.

За стоимость билетика на вход
Раскрыл все тайны жизни зарождения:
Как за закатом следует восход,
И жизни смысл в процессе сотворения.

Мне заменил театр церковный храм.
Создав религию картин и службы фресок,
Среди трагедии, комедии и драм
Позволил ощущать себя повесой.

Мне показал истории эпох
И рассказал о гибели народов.
Урок истории отнюдь не плох,
Я наслаждался данной мне свободой.

Почувствовал на миг себя творцом,
Держа в руках все ниточки от мира,
Одновременно — сыном и отцом.
Как дух, летал, не сотворив кумира.

Но вот однажды занавес упал.
В театре нашем духом смерти веет,
Закончился чудесный карнавал.
Искусство не спасает от злодеев.

Коллаж «Нуреев»

К стихотворению «Каравайчук»

Каравайчук

*К показу в Эрмитаже на 40-й день
со дня смерти композитора Олега Каравайчука
фильма «Олег и редкие искусства»*

Я брел по улице один,
До боли пальцы сжав крестами.
Закрыты окна. Гладь гардин.
Не видно девушек с цветами.

Ходил я очень тяжело,
Зато играл легко и страстно.
Знал музыканта ремесло.
Считал наивно: жизнь прекрасна!

Я брел по улицам пешком,
До боли пальцы сжав крестами –
Напоминанием о том,
Что я в реальности, не с вами.

Я возвращался в Эрмитаж,
Как возвращаются картины.
К вам поднимался на этаж
Знакомой лестницей старинной.

На сцене расписной рояль
Из Николаевской эпохи.
До боли в пальцах страшно жаль:
Мне не извлечь из клавиш вздохи.

Я за роялем был, как Бог,
Творя из звуков мироздание,
Но подведен был мне итог
Лишь на экране в вашем здании.

А на земле меня уж нет,
Лишь только музыка звучала,
И люстры приглушенный свет —
Как память о концертных залах.

И мой парчовый балахон,
Берет, одетый, как придется –
В реальности был только сон,
Который больше не вернется.

Всего лишь сорок дней прошли,
Без тела дней, безумно длинных...
Поминки нынче. Вы пришли,
Отметили сороковины.

Сегодня день не выходной,
Толпа народа в Эрмитаже.
И я играю, Боже мой!
И вышел к вам на сцену... даже.

**Арлекин
или
Жизнь как театр**

«Театр уж полон». Зал нам рукоплещет,
Все роли розданы, и начинать пора.
По лицам публики лучом прожектор блещет.
Маэстро, музыку! Да здравствует игра!

И я играю искренне и страстно,
Хоть пудра толстым слоем на лице,
И в акте первом все у нас прекрасно,
Аплодисменты зрителей — в конце.

Мы все умны, исполнены надежды,
Ответы знаем на любой вопрос,
И наши театральные одежды
Вам объяснят, что это все — всерьез.

Мы ко второму акту повзрослеем,
Поймем, что лицедеи лишь вокруг,
Что замысел — секрет полишинеля,
И роль играет даже лучший друг.

Я, в третьем акте встретив Коломбину,
Цветов бумажных подарю букет.
Фальшивая любовь у Арлекина, –
Живых цветов в моем театре нет.

В четвертом акте — близится расплата,
Уж движется к финалу мой спектакль.
Уходят зрители. Я всех актеров даты
Произношу, — и слезы на глазах.

И в пятом акте станет очень скучно:
Был сценариста замысел не нов.
Все разрешается вполне благополучно, –
Играя в жизнь, сыграл я и в любовь.

И мой камзол, что был разодран в клочья,
И маска смерти на моем лице
Понравятся вам, зрители, не очень...
Маэстро, музыку! И — занавес в конце.

Голый король или Новое платье короля

*Попытка рецензии на спектакль
Даугавпилского Драматического Театра*

Портные ткут материю обмана,
На солнце — пыль, а для придворных — дрожь.
Челнок сплетает воздух неустанно,
Из пустоты создав пустую ложь.

Прозрачна ткань и требуется вера
И преданность для сохранения скреп,
Чтоб восхищал и дам, и кавалеров
Несуществующий в реальной жизни креп.

Стежками шьют ловушку для коварства.
Ткань — мышеловка с сыром для глупцов,
Невежество издревле правит царством,
И лицемерие — в основе всех основ.

Прозрачна ткань и не доступна взгляду,
Но несовместны власть и трезвый ум.
Отброшенная правда ходит рядом,
В почете нынче — вздор от разных дум...

Свет знания — иль темнота и вера?
Кто видит истину и платье короля?
Ведь в темноте не только кошки серы,
Но также души, разумы, тела.

И темнота рождает злость и скуку,
И преданность меняет здравый смысл,
А близость к трону создает поруку,
Всех превращая в стаю жадных крыс.

А мы смеемся: минуло два века,
Другое время! Ну, какой король?
Нас не обманет платье человека,
И нам прозрачен замысел любой.

У нас такое просто невозможно,
Мы сразу видим правду без прикрас!
Но почему в почете то, что ложно,
И одинок мальчишки — правды — глас?

Юрий Петрович Любимов

Памяти Мастера

(Спектакль «Горе уму» по пьесе Грибоедова был поставлен

Юрием Петровичем Любимовым в год его 90-летия)

Посещение театра, которого уже нет...
Ощущение, к сожалению, хорошо знакомо,
Как возвращение к родителям через много лет,
На кладбище, ставшее для них домом.

На сцене пьеса «Горе уму»
Поставлена мастером к юбилею.
На сцене — лишь тень, а ему самому
Актеры закрыли театра двери.

Пьеса о справедливости и вине,
О том, что святые — отнюдь не монахи,
И после долгих странствий по чужой стране
Бессмысленно возвращение на Итаку.

Вернувшись назад после долгих лет,
Находишь лишь пепел того, что оставил.
Всех, любивших тебя, давно уже нет,
И призрак дыма Отечества не витает.

Приятная сладость дороги домой
Киснет при встрече с твоими родными.
Получаешь свиданье не с женой, а с вдовой
В новом мире, что без тебя сотворили.

И говоришь: «Что же делать, пошли»,
Просишь, чтоб дали тебе карету,
Со сцены взяв только горсть земли,
Оставив театру созданную Тобой планету.